

кез

КАРОЛИНА

ЛИХТФИЛЬДЪ.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

Handwritten signature or flourish.

438845

438845

511421

✓

КАРОЛИНА ЛИХТФИЛЬДЪ.

Застровъ всталъ въ изумленіи. Тетушка развернула бумаги, и знала уже напередъ, которую я подписала. Гнѣвъ изображался въ ея глазахъ; но я не дала ей времени излишъ его: бросилась передъ нею на колѣни, и подблывая у ней руку, сказала: — Тетушка, любезная тетюшка, перестаньте сердиться! Забудемъ все! не станемъ говорить уже ни о супружествѣ, ни о наслѣдствѣ. Ахъ!

одна мысль объ этомъ приводитъ въ содроганіе мое сердце. Уничтожимъ контрактъ (при сихъ словахъ изорвала я его въ куски). Пусть остается свидѣтельство объ отдачѣ вашего наслѣдства Г. Застрову. Мужчины больше имѣютъ нужды въ богатствѣ, нежели мы женщины. Что касается до меня, то я ничего не желаю, кромѣ вашей дружбы, дружбы моего брата и любви Линдорфа, или по крайней мѣрѣ свободы любить его во всю жизнь мою. Г. Застровъ найдетъ много такихъ женщинъ, которыя будутъ искать любви его, которыя не любятъ Линдорфа, и съ которыми

будетъ онъ щастливѣе, нежели со мною. Ахъ! тетушка, любезная тетушка, сжалось надъ вашею Машильдою; не заставляйте ее умереть съ печали!

Слова мои, казалось, пронесли ее. Застровъ ходилъ по комнатѣ скорыми шагами съ видомъ бѣшенства. Тетушка ласково подняла меня, пожала съ нѣжностію руку мою, и обратясь къ племяннику своему сказала: — Что вы объ этомъ думаете? — Что я думаю, сударыня? Машильда, или смерть, сказалъ онъ трагическимъ, опчаяннымъ голосомъ, и тотчасъ вынулъ свою шпагу =

такъ ! онъ вынулъ шпагу , и
готовъ былъ , повидимому ,
заколоться. Я бросилась къ
нему , и удержала его руку.
Тетушка моя подняла страш-
ный вопль , и сказала , что ей
едѣлалось дурно. Разсѣянїе
мое было такъ велико , что
я не знала къ кому бѣжать ,
что дѣлать , и что говорить ;
— наконецъ мнѣ не прежде
удалось успокоить ихъ , какъ
давъ обѣщаніе исполнить все ,
что имъ будетъ угодно. Я
такъ сильно дрожала отъ
страху , что едва могла про-
говорить сіи два слова , — кото-
рыя произвели удивительное
дѣйствіе : шпага мгновенно
очутилась опять въ ножнахъ
— тетушка моя тотчасъ

пришла въ себя, обняла меня со всѣмъ жаромъ, и просила немедленно подписать контрактъ. Къ щастію, я изорвала его: кусочки бумаги, лежавшіе вдругъ насъ на полу, показывали, что надобно сперва написать другой контрактъ. И такъ опложили подписку до завтра; однакожь хотѣли, чтобъ я повторила свое обѣщаніе. Минута страха моего прошла — я ужаснулась, вообразивъ, какъ безразсудно поступила, что дала слово, исполнить ихъ намѣреніе. Правда, тогдашнее мое положеніе могло извинить меня: я сама не знала, что говорила. Но теперь, когда

требовали отъ меня, подтвердить сіе ужасное общаніе, — сердце мое такъ сжалось, что я лишилась памяти. Надлежало опнестти меня въ мою комнату, и положить на постель. Это движеніе оживило меня; я не могла еще ни говорить, ни раскрыть глазъ; однакожъ слышала, что происходило вокругъ меня. Тетушка, думая, что обморокъ мой не прешель еще, сказала Заспорову: — „Не безпокойся, любезный племянникъ, это ничего не значитъ. Мы ее нѣсколько испугали; но самое трудное уже сдѣлано: она дала слово. Завтра подпишетъ контрактъ; послѣ зае-

тра вы возьмете ее за себя, и тогда братъ ея пусть говоритъ, что хочетъ: мы не будемъ его бояться. Теперь надобно оставить ее въ покоѣ.“ — Они вышли, приказавъ служанкамъ смотрѣть за мною.

О! какъ нужно было мнѣ подумать тогда о своемъ положеніи! какъ поспѣшно выслала я всѣхъ отъ себя. Опамятовавшись совершенно отъ обморока, размышляла я о ссвахъ тешушкиныхъ: они возбудили во мнѣ удивленіе, гнѣвъ, страхъ, печаль, и даже радость. — *Мы ее нѣсколько испугали*, говорила она: — такъ, эта сцена, которою

меня столь жестоко обману-
ли, была только комедія,
сыгранная петушкою и За-
спровымъ нарочно для того,
чтобъ вынудить у меня со-
гласіе! Эта мысль привела
меня въ такой гнѣвъ, что я
съ той же минуты почита-
ла себя свободною, и рѣши-
лась не сдержать своего сло-
ва. Но холодный потъ раз-
лился по моимъ членамъ, ког-
да я вспомнила, что петуш-
ка сказала: — она дала сло-
во; завтра подпишетъ кон-
трактъ, послѣ завтра вы-
возмете ее за себя. Лучше
смерть, повторяла я съ ужа-
сомъ! — — Слѣдующія слова
подали мнѣ нѣкоторую наде-
жду: — братъ ея пусть го-

воритъ тогда что хочетъ, мы не будемъ его бояться. — И такъ бояться еще брата моего, котораго почитала я въ числѣ гонимыхъ своихъ? Такъ меня обманули? У меня есть еще подпора, защитникъ, другъ, на котораго могу я имѣть надежду? — Ахъ! въ радости своей, что нашла сего друга — сего нѣжнаго брата, я забыла тогда, какое пространство раздѣляло насъ, — забыла, что на другой день жхъбли располагать моею судьбою.

Тысяча различныхъ мыслей волновали духъ мой, когда дѣвица Мантель пришла ко мнѣ. Увидѣвъ ее, пропаяла

я къ ней руки, и сказала со слезами : — Спѣшите на помощь несчастной вашей подругѣ!

Никогда не воображала я себѣ, какъ далеко можетъ простираться дружество. Дѣвица Мантель была также блѣдна, въ такомъ же печальномъ положеніи. — Мнѣ все уже извѣстно, отвѣчала она измѣнившимся голосомъ : я была теперь у тетушки твоей. Что ты сдѣлала, Матильда? Какъ могла ты дать слово, выступи за Заспрова. — Онъ готовъ былъ заколѣться. — О! малобѣ осталось на свѣтѣ людей, естлибѣ всѣ тѣ кололись, которые говорятъ,

что непременно заколятся. Но теперь какъ намѣрена ты поступить? Не уже ли исполнишь это роковое обѣщаніе? Вспомни Линдорфа; вспомни клятвы свои! — Ахъ! уже ли думаешь ты, что я забыла ихъ? Онѣ всѣ написаны здѣсь, въ моемъ сердцѣ! скорѣе исторгну ихъ, нежели изгладятъ въ немъ клятвы сіи! Но теперь не о томъ рѣчь; я спрашиваю тебя, какъ бы избавишься мнѣ отъ ненавистнаго Застрова. Скажи, любезнѣйшая подруга, не знаешь ли ты средства, отсрочить бракъ сей по крайней мѣрѣ на такое время, чтобъ я успѣла уведомить объ этомъ моего

братца! Онъ вѣрно защититъ меня; я услышала не давно одно слово, которое подало мнѣ въ тому надежду. Ахъ! естълибъ только былъ онъ не въ Россіи, ябъ знала, что дѣлать! — Какъ? сказала дѣвица Мантель, — и я примѣшила по лицу ея, что она о чемъ то задумалась. — Чтожъ бы ты здѣлала? — Я тайно уѣхала бы отсюда къ нему. — Какъ! сказала она съ восторгомъ: и ты имѣешь столько смѣлости? — Можешь ли сомнѣваться въ томъ. — Удивляюсь тебѣ, сказала она, обнимая меня: въ самомъ дѣлѣ, это одно средство можетъ только спасти тебя. Я сама то же думала, не смѣя

сказать тебѣ. — Но, ахъ! это мечта! мой братъ въ Россіи; я не отважусь такъ далеко. — Правда, это нѣсколько трудно, отвѣчала она запинаясь. Но нѣтъ ли у тебя въ Лондонѣ какого дяди по матери? — Есть; Милордъ Сеймуръ. — Это хорошо. Что еслибъ ты поѣхала къ нему искать его покровительства? — И ты думаешь, отвѣчала я съ живостію, что я рѣшусь теперь ѣхать въ Англію? А Линдорфъ? — Ну чтожъ, Линдорфъ тамъ же. Я не думаю, чтобъ ты за тѣмъ не хотѣла быть въ этой землѣ. — Нѣтъ! любезная подруга, сказала я качая головою: я погибла, если